

МОЛОДОСТЬ ПЬЕРА БЕАРНА

изд. Россия,
1979 г. сентябрь

КОНЕЦ ноября, а в Париже тепло. С утра до вечера висит над городом голубое, без единого облачка небо, и солнышко припекает почти по-летнему, заливая улицы веселым светом, играет в больших и красивых окнах. В любую погоду ходить по Парижу — одно удовольствие, а сейчас, при такой благодати, так бы и не покидал днями его широких бульваров, уютных площадей и переулков, где вкусно пахнет свежим кофе и фруктами с многочисленных лотков, а под ногами шуршат опавшие за ночь сухие листья каштанов...

Мы с товарищем поставили машину вблизи Монпарнаса и пошли вдоль тихого сквера, где старички прогуливали собак. У нас еще было в запасе время, и мы решили дойти пешком до самого Общества литераторов Франции, расположенного в двухэтажном особняке. Там нас ждали к двенадцати часам. Пьер Беарн, генеральный секретарь общества, пригласил нас к этому времени на завтрак. Скоро в Москве состоится colloquium по французской поэзии, и Беарн возглавит группу ведущих литераторов своей страны. Нам было известно, что он уже готовится к поездке, ждет ее, и нам хотелось встретиться с ним, познакомиться лично, а не только по его книгам, довольно популярным во Франции. Пьера Беарна знают и как крупного поэта, и как серьезного прозаика. Его романы «Жан-Пьер и навигация», «Океан без надежды», сборники новелл и рассказов хорошо известны читателю. Но он еще и очеркист, издатель журнала «Мостик», который пользуется постоянным, устойчивым спросом в кругах французской интеллигенции. Этот небольшой журнал, выходящий четыре раза в год, Беарн делает один: он и оставитель, и редактор, а зачастую и автор всех основных статей по вопросам поэзии и культуры...

Пьер Беарн встречает нас в своем скромном кабинетике. Не-

высокого роста, плотный, он сразу же покоряет мягкой, сердечной улыбкой. Кажется, что все его существо пронизано этим лучезарным дружелюбием — и чуть загоревшее выразительное лицо, и умные, внимательные глаза, и даже мысли. Он был открыт и искренен до конца, как и подобает настоящему поэту, знающему людей и жизнь.

— Можно посидеть в «Клозери де ла», — предлагает Пьер Беарн, посматривая на часы. — Это тут, рядом, и кухня там приличная...

Узкие тротуары, по которым мы идем, кое-где завалены груды отходов, прикрытыми пленкой: в Париже бастуют мусорщики, убирать некому, мэр вызывал даже солдат. А вот и «Клозери де ла». Это кафе или небольшой ресторанчик. Говорят, что в парижские годы своей жизни сюда заходил Владимир Ильич Ленин, чтобы поиграть в шахматы и выпить чашечку кофе. На одном из столиков у стены выбито его имя. Но, может, это и не совсем верно. На Западе хозяева гостиниц и разных ресторанов ради престижа любят украшать свои заведения именами знаменитых людей...

В уголке, у окна, мы занимаем себе столик. Над моей головой, упрятанный в стену, чуть-чуть выпирает вместительный аквариум. Лангусты и омары, лениво плавающие за толстым стеклом, могут быть тут же выловлены и приготовлены по вкусу посетителей. Кинув взгляд на кишаший морской живностью аквариум, Пьер Беарн сказал с шутилым вздохом:

— Вот с таких, знаете ли, гастрономических штук моя поэзия начиналась. Нет, серьезно. У меня отец был поваром при посольстве в Бухаресте. В Бухаресте я и родился, и год там жил. Потом мы переехали в Париж. Отец содержал маленький дешевый ресторанчик для рабочего люда. Он отлично готовил и меня научил. А когда я стал сочинять свои первые стишки, они как-то сами собой получались немножко на кухонную тему. И первая моя книга называлась

«Париж-гурман». Конечно, не только о прозаической, так сказать, извините, жратве шла в ней речь, но тем не менее дань этому я все-таки отдал немалую...

Пьер Беарн как-то беззвучно, сдержанно всем телом, посмеиваясь над своими юношескими воспоминаниями, и молодой официант, склонившись учтиво, терпеливо ждет, что москвич поэт скажет к шампанскому. Даже через переводчика слушать Беарна очень интересно. Повидал и пережил он на своем веку немало. Рано оставшись без родителей, он помогал своим родственникам, был разносчиком пива, учеником механика, рабочим на заводе, моряком, журналистом. Он много путешествовал по всему миру. В эти годы скитаний у него выходит книга за книгой. Сборник поэм «Цвета черного дерева», навеянных работой и жизнью в тропической Африке. Поэтические книги «Руки на море» и «Цвета моря», говорящие о морской стихии, о трудной службе на кораблях, о красоте голубых водных широт. Особой славой пользовалась его книга «Цвета заводов». Это большая поэма о рабочих людях, о самом себе, которая и сейчас не потеряла своей актуальности.

А в последние годы Пьер Беарн выступает как проникновенный лирик. Его поэма «На волне сердца» поставлена в театре, переведена на иностранные языки, переиздается во Франции. На нынешнем рынке ценностей, в так называемом «обществе потребления», любовь в кино, в комиксах, в песенках очень часто предстает лишенной какой бы то ни было одухотворенности, она становится просто товаром. Среди многих прав, за которые приходится бороться французской молодежи, есть и право на любовь, не занятанную уродствами капиталистического мира. И проникновенная поэзия Пьера Беарна помогает вести эту святую борьбу...

— Моссье Беарн, — прошу я поэта, — почитайте немножко из своей книги «На волне сердца», хочется услышать, как это звучит по-французски...

— Да, пожалуйста, — согла-

шався Беарн и, чуть вскинув подбородок, полуприкрыв в задумчивости глаза, декламирует, жестикулируя сжатыми кулаками. И, не понимая как следует смысла, я наслаждаюсь музыкой и ритмом стиха, одухотворенным лицом поэта, которому, оказывается, уже семьдесят шесть лет. Семьдесят шесть — это не так уж и мало, и все ли литераторы способны в таком возрасте создавать волнующие строки о любви? Значит, Пьер Беарн молод. Для истинных поэтов годы ведь не имеют особого значения. Даже с последними ударами своего сердца они высекают огонь поэзии. Поэзия — это их жизнь...

Пьер Беарн надписывает и дарит мне свою книгу «На волне сердца».

— У вас в стране так много читают и так раскупают книги, — говорит он, покачивая белой головой, — что мы не можем не удивляться. Мы с Габриэль сами это видели. Габриэль — моя жена. Мы с ней ездили по Сибири и Средней Азии. Ах, какие там просторы!..

— А что вы сейчас пишете, москвич Беарн?

— В основном — басни. Для детей. Набралась уже целая книга. Вот ищу издателя, который бы этот томик поскорее выпустил...

Мы выходим на улицу. Над Парижем по-прежнему голубеет небо. И солнце играет так же ярко. Я задерживаю крупную ладонь Пьера Беарна в своей руке и говорю ему слова благодарности. Мне так не хочется с ним расставаться...

В Москве мы перевели поэму «На волне сердца». Фрагменты из нее и предлагает сегодня «Литературная Россия». Необходимое к ним пояснение: эта поэма написана в форме диалога, в ней звучат женский и мужской голоса.

ЮРИЙ ГРИБОВ
ПАРИЖ—МОСКВА
Фото автора